

Гронский Александр Дмитриевич

кафедра гуманитарных дисциплин БГУИР

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОЯЗЫЧЕСТВА В БЕЛОРУССИИ В КАЧЕСТВЕ ФАКТОРА ДЕКОНСТРУКЦИИ САМОСОЗНАНИЯ

Ключевые слова: Белоруссия, неоязычество, национализм, самосознание, религия

В современном белорусском духовном дискурсе определённое место занимают нетрадиционные для региона культы и верования. И если большинство из них всеми воспринимается как пришлые, недавно здесь появившиеся, то некоторые стараются обосновать свою автохтонность, апеллируя к неким традициям. Это утверждение в полной мере относится и к неоязычеству. Однако неоязыческие группы не представляют собой чего-то цельного. Это отмечается многими исследователями [Бесков 2014: 21; Чудинов 2014: 62 и др.]. В Белоруссии «неоязыческое движение децентрализовано и представлено широким спектром самых разных типов групп и организаций, начиная с объединений романтиков-интеллектуалов, занимающихся популяризацией неоязычества в СМИ, и заканчивая сплочёнными сильно политизированными общинами и группами экстремистской направленности» [Мартинович 2015: 104]. Несмотря на разнообразие, неоязыческие организации сложно назвать массовыми или явно заметными на фоне иных неоекультов. По данным В. А. Мартиновича в совокупности неоязыческие организации составляют лишь 1,7 % от всех неоекультов республики [Мартинович 2015: 127]. Однако у них есть одно идейное преимущество – упор на автохтонную традицию. Неоязычество может восприниматься более доверительно именно потому, что оно обозначается как своё, местное, естественное, в отличие от любых протестантских, восточных или иных неоекультов. Сложность в изучении белорусского неоязычества представляет и то, что неоязычники «часто действуют без регистрации, либо регистрируются в качестве общественных объединений» [Мартинович 2015: 104]. Так, в перечне религиозных организаций, действующих на территории Белоруссии, нет ни одной неоязыческой [Карасёва 2012: 77]. Именно поэтому часть подобных групп выступают как светские организации, явно не связанные с определёнными религиозными практиками, а основная нагрузка их активности выливается в сугубо политические или общественные акции.

Однако для анализа деятельности неоязыческих групп на территории Белоруссии может помочь сравнение их с российскими и украинскими неоязыческими организациями. В частности, русское неоязычество часто существует в рамках сконструированных националистических идеологий, опирающихся на «изобретённое прошлое» [Шнирельман 2012: 8]. Украинское неоязычество также активно участвует в создании националистического дискурса, многочисленные примеры чего проявились в период «оранжевой

революции» 2004 г. и событий, развернувшихся с начала 2014 г. В белорусской среде ситуация аналогичная: «Среди огромного количества самых разных модификаций языческих воззрений распространяется также ряд концепций расистского характера и ультранационалистического характера» [Мартинович 2015: 104]. Западное же неоязычество, «за редчайшим исключением, далеко от националистических, ультраправых идеологий». Оно выступает за личностное самосовершенствование, равенство полов, демократические ценности и т.д. Вместо национализма в среде западных неоязычников господствует космополитизм [Шнирельман 2012: 7 – 8]. Таким образом, русское, белорусское и украинское неоязычество имеют множество подобий между собой по причине того, что они развивались в примерно одинаковой идейной среде. Именно поэтому при анализе белорусского неоязычества вполне возможно привлекать аналогии из тех же русских или украинских неоязыческих культов.

Собственно различные виды типологии неоязычества в Белоруссии могут быть построены по разным признакам. Выступающие за условную русскую империю и выступающие против неё, сторонники белорусской или литвинской империи и противники этого, сторонники русской, белорусской или литвинской линии (уже без привязки к строительству собственных империй), представляющие белорусов славянами и считающие, что белорусы – это балты и т.д. Пожалуй, самый простой способ типологии – разделение неоязычников на условно «белорусских», выступающих как сила антироссийская, и условно «русских», выступающих более за славянское единство, но эта риторика одобрена русским национализмом, обычно с радикальным уклоном. Если рассматривать интеллектуальные возможности той и другой ветвей неоязычества, можно сделать однозначный вывод, что «белорусские» неоязычники значительно превосходят своих коллег в способности формировать идеологические объяснения. Так что при условии, что обе неоязыческие группировки занимают примерно одно и то же «духовное» поле, конкуренция между ними неизбежна. Но с точки зрения эффективности пропаганды и изящности выдачи фальсификаций за истину «белорусские» неоязычники намного превосходят «русских». Мне лично довелось слышать объяснения нескольких «русских» неоязычников, поэтому вывод в отношении их интеллектуальных возможностей у меня сложился однозначный. Такого же мнения придерживается ряд моих коллег, часть из которых оценивала интеллектуальный уровень «русских» неоязычников, не зная, кто они. Т.е. принадлежность оцениваемых к неоязыческой организации не играла роли в выводах об их интеллектуальных возможностях. Те же коллеги, которые знают о неоязыческих практиках, но не участвуют в них, воспринимают неоязыческую активность с юмором. В частности, в Брестской области об отмечании неоязычниками Купалья и прочих дохристианских праздников я слышал лишь шутки.

Оставим типологию в стороне, поскольку эта тема требует отдельной статьи, и обратимся к тому признаку, который роднит все неоязыческие культы на просторах «трёх братских славянских республик», как сказали бы в советское время. А именно – к националистическим лозунгам в неоязыческой

практике. Следует заметить, что неоязычники в Белоруссии порой являются антагонистами в плане национально-политических ориентаций. В частности, одни могут рассматривать себя как часть русского пространства, а другие это отрицать и утверждать, что белорусы не являются не только русскими, но и славянами.

Всё же неоязычество в совокупности не может идти ни в какое сравнение с количеством приверженцев традиционных конфессий. Так, по данным Института социологии Национальной академии наук Белоруссии на апрель 2012 г. 80 % граждан Белоруссии считают себя православными верующими, 8,5 % отнесли себя к католикам, еще 0,6 % – к протестантам. Но лишь 19,9 % опрошенных считают себя истинно верующими [Жители 2012]. Таким образом, определение себя как православного, католика или ещё кого-нибудь является индикатором «цивилизационного предпочтения». Люди солидаризируются с той конфессией, к которой традиционно принадлежали их предки или определяют своё отношение к той или иной вере по личным мотивам. Т.е. большая часть тех, кто объявляет себя придерживающимся определённой веры, в более точном смысле слова является лишь её сторонниками. «Конфессиональная идентичность возникает на основе эмоционально-ценностного восприятия конкретной религии путём осознания своей принадлежности индивидом, группой, обществом в целом к культуре и социуму» [Балич 2015: 241]. Православие и римо-католицизм принадлежат к серьёзным факторам в формировании современной белорусской идентичности. Несмотря на то, что Белорусская Православная Церковь относится к Московскому Патриархату (поэтому противники стараются её представить как великорусскую и враждебную для белорусов), а Римо-Католическая Церковь часто воспринимается как польская, именно эти две конфессии влияют на автостереотипы белорусов. Однако в прошлом и настоящем предпринимались и предпринимаются попытки создать альтернативную белорусскую идентичность на других религиозных основаниях. В частности, ещё в начале XX в. для создания белорусской идентичности, которая не воспринималась бы ни как русская, ни как польская, была сделана неудачная попытка реанимировать представление о греко-католицизме. Такая же попытка наблюдалась и после распада СССР. Также делались заявления о создании белорусской идентичности на общехристианских ценностях, которые нивелировали бы влияние православия или римо-католицизма. Тут уже наблюдается риторика новых религиозных объединений протестантского направления, часто именуемых в обществе сектами. Была попытка создать некое «настоящее белорусское» православие в виде автокефальной церкви. Однако эта попытка ограничилась существованием горстки политически ангажированных лиц. Особенно интересной представляется попытка создать новую альтернативную идентичность на основе белорусского неоязычества. Этот проект достаточно амбициозен, поскольку в идеале он стремится создать такую идентичность белорусов, в которой бы не было место для белорусского дискурса. Этот дискурс должен быть постепенно заменён представлениями о литвинах или кривичах, или ятвягах или ещё ком-то, но лишь бы не о белорусах, в названии

которых явно угадывается корень «рус», подчёркивающий культурную и духовную связь, т.е. то, что называют цивилизационным единством, с Россией.

Сторонники альтернативных белорусских идентичностей подхватили модную сегодня в среде псевдонаучных «историков» и «популяризаторов истории» идею того, что белорусы не являются славянами, а есть славянизированные балты (в отличие от современных русских) [Поротников 2012; Кравцов 2012]. Для формирования подобных «небелорусских» идентичностей белорусов как раз хорошо подходит неоязычество. Рассмотрим это на примере некоторых докладов конференции «Проблемы современной белорусской идеологии», состоявшейся в ноябре 2012 г. в Минске. Конференцию проводили не государственные органы, как можно было подумать из названия, а инициаторы создания новых белорусских идентичностей. Так, чтобы подчеркнуть отличия не только по крови, но и по духовности, используется утверждение, что «значительное духовное влияние на наших предков оказывал фактор общебалтского культурного и религиозного пространства с центром в прусской Ромуве (ныне Черняховский район Калининградской области России)». Оказывается, что современная Белоруссия с Пруссией соединена не только схожим культурным и этническим происхождением, «но и через общую языческую религию, во главе которой стоял первосвященник Криве-Кривайтис». Для того, чтобы сформировать балтскую и неславянскую идентичность, необходимо сформировать новую культурную традицию. В данном случае, «речь идет о глубоком, можно сказать мистическом культурном пласте», т.е. предлагается сконструировать представления предков белорусов в том направлении, которое освящало бы современные доктрины о национальной идентичности. Для этого «необходимо глубокое изучение, систематизация и пропаганда традиционных представлений о мире, если хотите, о национальном космосе» [Поротников 2012]. Вот тут встаёт вопрос, а что же такое изучение? Скорее всего, имеется в виду не объективные исследования, которые в принципе противоречат сторонникам балтской концепции, а лишь создание новых мифов о древности, которые освящали бы интеллектуальные игры современных националистов.

Восприятие неоязычества как национальной белорусской религии оправдывается тем, что якобы «ментальность белорусов сложилась в дохристианский период истории» [Кравцов 2012]. По мнению белорусского политолога О. Кравцова национальной религией Белоруссии должна стать «традиционная дохристианская (“Друва”). Ее дополняют греко-католическое христианство (униатство), автокефальное православие, католичество и протестантизм» [Кравцов 2012]. Обратим внимание на то, что официально неоязычников в Белоруссии нет, но именно новодел язычества предлагается в качестве основной религии. Греко-католики занимают маргинальное положение, они невлиятельны и немногочисленны. Автокефальное православие существует в качестве нескольких незарегистрированных общин, поэтому его влияние и возможности в разы меньше, чем у тех же греко-католиков. Большинство протестантов представлено так называемыми неокультами, поэтому они не укоренены в обществе, к ним отрицательно относятся

большинство населения. И лишь католицизм из этого списка имеет укоренённость в белорусских землях, начиная с XIV в. Но католиков в Белоруссии всего около десяти процентов от всех формально и искренне верующих. Кравцов предлагает государству просто «запустить новый национальный проект» под названием «Друва». Политолог трактует это как «воссоздание дохристианской культурно-религиозной традиции», абсолютно не отдавая себе отчёта в том, что дохристианская традиция прервалась достаточно давно, и до наших дней от неё дошли лишь отголоски, которые тесно переплелись с народным христианством, да ещё настолько, что в некоторых случаях практически невозможно реконструировать базовые языческие представления. Т.е. для белорусов как неславян искусственно формируется некий неоязыческий духовный протез, который рекламируется как древний. Для обеспечения влияния новой идентичности, должны появиться новые идеологические работники. Ими становятся неоязыческие жрецы «крывайты», которые «толкуют и организуют проведение национальных и государственных праздников, производят оценку различных событий общественной жизни, формируют систему общественных ценностей на основе традиционных представлений и современных национальных интересов» [Кравцов 2012]. Что касается остальных религий, то национальными объявляются Автокефальная Белорусская Православная и Греко-католическая церкви. Они получают права, равные с Русской Православной и Римо-католической церквями [Кравцов 2012]. Таким образом, конфессии, которые в массе формируют современную идентичность и являются носителями непрерывной духовной традиции (русское православие с IX в., а римо-католицизм с XIV в.), отходят на второй план. Кроме того, наиболее широко распространённое и наиболее древнее русское православие в перспективе должно исчезнуть, ведь в перечне «национальных религий» присутствует лишь автокефальное православие. Почему же римо-католикам всё же удалось занять место одной из дополнительных национальных церквей в рассуждениях Кравцова? Дело в том, что белорусские националисты рубежа XX – XXI вв. воспринимали католиков как «лучших белорусов» [Астапенка 2012], в отличие от «русифицированных» православных. Интересно также отношение к традициям – культовые сооружения должны не только строиться, но и перестраиваться в «аутентичном белорусском стиле» [Кравцов 2012]. Получается, что культурное наследие не будет сохраняться лишь потому, что оно внешне не соответствует некоему «аутентичному белорусскому стилю».

Обязательным приложением к конструированию неоязыческой религиозной ситуации под видом «возрождения традиций» является отношение к языку. Так, единственным государственным языком предлагается сделать белорусский, а языками межнационального общения – русский, но в белорусской фонетической версии, и английский [Кравцов 2012]. Это при всё том, что на референдуме 1995 г. подавляющее большинство белорусов поддержало введение русского языка как второго государственного, а в настоящее время по данным переписи населения 2009 г. белорусский язык родным считают только 53 % населения, а разговаривают на нём в быту лишь

23 % [Распространение 2009]. Однако эти цифры стоит всё же считать завышенными, поскольку в процессе подобных переписей часть людей старается соответствовать условным национальным эталонам, по которым, если человек белорус, он должен говорить на белорусском языке или хотя бы воспринимать его как родной (в частности, так поступали некоторые из моих знакомых, которые указывали, что используют белорусский язык в быту, реально вообще не зная его). Помимо того, подавляющее большинство жителей постсоветского пространства не понимает, что родным языком считается тот, который человек первым усвоил в детстве или тот, на котором он думает. Однако в массовом сознании в качестве родного языка понимается язык приписанной этничности. Опрос, проведённый Институтом Гэллапа, дал несколько иные результаты. Так, наиболее удобным в общении языком (а именно на родном языке человеку более удобно общаться) 92 % белорусов выбрали русский [Gradirovski, Esipova 2008]. «Белорусская фонетическая версия», упоминаемая белорусским политологом, – это всего лишь неграмотное написание слов русского языка, например, «беларус» вместо «белорус» или «беларуский» вместо «белорусский». Естественно, всё это освящено заявлениями о том, что белорусы должны отказаться от «оккупационного русского языка» и т.п.

И ещё один интересный поворот при формировании идентичности через неязыческие стереотипы представлен в радикальном национализме и даже шовинизме по отношению к гражданам страны «неправильного» происхождения. В частности, «ключевые церковные должности занимать только лица беларуского происхождения», «ключевые государственные должности занимают только люди беларуского происхождения», «получение беларуского гражданства лицами небеларуского происхождения становится невозможным», «одновременно вводится система лишения беларуского гражданства в отношении лиц небеларуского происхождения», «демографическая политика основывается на принципе научно обоснованного оптимума количества населения исходя из биосферной и ресурсной ёмкости региона. Акцент делается на повышении качественных показателей нации – здоровье, интеллект, культурный уровень, моральные качества». Кроме того, помимо претензий на белорусскость всех пограничных территорий, исторической белорусской землёй объявляется Пруссия – «коренная балтская (пруско-ятвяжская) земля», т.е. нынешняя Калининградская обл. России. Также уже сформировано представление об исторической миссии неязыческой Белоруссии: «Беларусь – страна будущего белой расы. Беларусы призваны дать миру новую модель устройства общества. Часть этой миссии беларусов – сохранить и вернуть европейцам всё лучшее и здоровое, что у них есть» [Кравцов 2012]. Помимо всего прочего начинают внедряться альтернативные названия Белоруссии – «Крыўя», «Яцьвязь», «Литва» [Кравцов 2012]. Таким образом, неязыческие основания формирования новой альтернативной белорусской идентичности как не славянской, а балтской влекут за собой не только изменение самоидентификации, но и усиление ксенофобии.

Создание альтернативных национальных идентичностей на белорусском материале связано с использованием в качестве субстрата некоторых религиозных верований, которые нельзя признать традиционными по причине того, они либо прерывали свою традицию бытования в регионе, а потом были восстановлены не по духовным, а по политическим мотивам (как, например, греко-католицизм), либо вообще являются изобретением современности, использующим лишь древний антураж для придания представлений о своей продолжающейся традиции (как любые неоязыческие практики).

Большинство граждан Белоруссии разделяет традиционные представления о «своих» религиях или конфессиях. В частности, в 2009 г. при проведении опроса о доверии государственным и общественным институтам Православная Церковь намного обошла соперников. Ей доверяли 63 % опрошенных, Римо-Католической – 38 % [Николюк 2012]. В 2010 г. Православной Церкви доверяли 68,3 %, а вот доверие к Римо-Католической Церкви упало до 35,4 %, в 2012 г. доверие к Православной Церкви продолжало расти, доверяющих ей было 70,6 % , Римо-Католическая Церковь также навёрстывала упущенное. Её рейтинг доверия составил 44,1 %. А вот Протестантская Церковь ухудшила свои позиции в последнее время. Если в 2010 г. её доверяло 18,4 % опрошенных, то в 2012 г. – 16,3 % [Государственные 2013]. По мнению социолога С. Николюка любая церковь олицетворяет собой коллективное «Мы» [Николюк 2012]. Поэтому люди, даже смутно представляя себе церковную обрядность, догматику и т.д., определяют себя как приверженцы определённой веры, подчёркивая тем самым свою включённость в определённую систему представлений о себе, соседях, событиях и т.д. Ни неокульты, ни греко-католицизм, ни тем более неоязычество не представляют собой религию, способную быть принятой большинством в качестве национальной. Белорусские неоязыческие организации «заявляют, что пытаются вернуться к истокам древнего белорусского язычества. Однако это их стремление обусловлено не дошедшими до нашего времени языческими традициями и не их влиянием на белорусскую культуру, а романтизацией глубокого прошлого, которая проистекает в данном случае из патологического неприятия настоящего и всего того, чем может гордиться белорусский народ: достижениями религии, культуры, социально-философской и правовой мысли Беларуси последнего тысячелетия. То есть современное белорусское язычество можно рассматривать как своего рода интеллектуальное веяние, развивающееся не благодаря, но вопреки традициям белорусской культуры и воспринимающее себя при этом в качестве единственного исконного белорусского движения» [Мартиневич 2015: 439]. Формирование же альтернативных идентичностей основывается именно на религиях-аутсайдерах, не укоренённых в обществе, но имеющих большие амбиции. Число сторонников альтернативных идентичностей мизерно, но они имеют доступ к информационным ресурсам, что позволяет им медленно, но всё-таки расширять ряды своих сторонников.

- 1) *Астапенка* 2012 – *Астапенка А.* Да пытання аб ідэалогіі беларускай дзяржавы // Інстытут беларускай гісторыі і культуры (<http://inbelhist.org/?p=2540>) [14.04.2015].
Балич 2015 – *Балич Н. Л.* Религиозная идентичность в культуре современного общества // Социологический альманах. Вып. 6. – Минск: Беларуская навука, 2015. – С. 234 – 243.
Бесков 2014 – *Бесков А. А.* Парадоксы русского неоязычества // Colloquium heptaplomeres. – 2014. – № 1. – С. 11 – 23.
- 2) *Государственные* 2013 – *Государственные институты теряют доверие белорусов* // Электронная газета «Ежедневник» (http://www.ej.by/news/politics/2013/01/07/gosudarstvennye_instituty_teryayut_doverie_belorusov_.html) [25.04.2015].
- 3) *Жители* 2012 – *Жители Беларуси и религия* // Институт социологии Национальной академии наук Беларуси (<http://socio.bas-net.by/Add/detartspravka.php?id=3>) [14.04.2015].
- 4) *Карасёва* 2012 – *Карасёва С. Г.* Динамика численности религиозных организаций Беларуси: политико-правовое поле, практика учёта и обнародования данных (2000 – 2009 гг.) // Евразия. – 2012. – № 4. – С. 65 – 82.
- 5) *Кравцов* 2012 – *Кравцов О.* Беларусь должна быть и должна быть всегда! // Инстытут беларускай гісторыі і культуры (<http://inbelhist.org/?p=2453>) [14.04.2015].
- 6) *Мартинович* 2015 – *Мартинович В. А.* Нетрадиционная религиозность: возникновение и миграция: Материалы к изучению нетрадиционной религиозности. Т. 1. – Минск: Минская духовная академия, 2015.
- 7) *Николюк* 2012 – *Николюк С.* В поисках идеологии, способной сплотить расколотое общество // Інстытут беларускай гісторыі і культуры (<http://inbelhist.org/?p=2427>) [14.04.2015].
- 8) *Поротников* 2012 – *Поротников А.* Беларуское «большое пространство» как лекарство от комплекса жертвы // Інстытут беларускай гісторыі і культуры (<http://inbelhist.org/?p=2438>) [14.04.2015].
- 9) *Распространение* 2009 – *Распространение в Республике Беларусь и областях белорусского и русского языков* // Национальный статистический комитет Республики Беларусь (http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/vihod_tables/5.11-0.pdf) [12.12.2014].
- 10) *Чудинов* 2014 – *Чудинов С. А.* Традиция и историческое мировосприятие в феноменологическом мире неоязычества // Colloquium heptaplomeres. – 2014. – № 1. – С. 62 – 68.
- 11) *Шнирельман* 2012 – *Шнирельман В. А.* Русское родноверие: неоязычество и национализм в современной России. – М., Издательство ББИ, 2012.
- 12) *Gradirovski, Esipova* 2008 – *Gradirovski S., Esipova N.* Russian Language Enjoying a Boost in Post-Soviet States (<http://www.gallup.com/poll/109228/russian-language-enjoying-boost-postsoviet-states.aspx>) [30.04.2015].